

16+

ВЛАДИМИР ДОЛГИЙ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Владимир Долгий
Преодоление

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Долгий В. М.

Преодоление / В. М. Долгий — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-10290-3

Книга — автобиографическая повесть сотрудника КГБ СССР, обеспечивавшего контрразведывательную защиту важнейших программ по созданию ракетно-ядерного щита страны. В книге описана жизнь и работа выдающихся учёных, конструкторов и организаторов производства в атомной и ракетной промышленности некогда великой державы, доведённой до развала верхушкой КПСС. Следуя логике содержания книги, читатель неизбежно приходит к пониманию причин и механизмов развала СССР.

ISBN 978-5-532-10290-3

© Долгий В. М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Проект книги

Воспоминания (без названия)

Река времён в своём стремленье Уносит все дела людей

И топит в пропасти забвенья

Наряды, царства и царей

Державин

Идея написать воспоминания о своей жизни возникла у меня на рубеже семидесятилетия. К этому времени я уже четыре года проработал в компании СФТ групп, куда попал совершенно случайно волею судьбы, за что ей бесконечно благодарен. В компании занимаюсь вопросами экономической безопасности, что близко мне по прошлой службе в КГБ СССР. Подвигла меня на рукописное извлечение памяти одна из сотрудниц компании, Оксана, молодая девушка, обладающая целым рядом талантов, среди которых я более всего ценю независимость суждений и желание докопаться до всего сущего. В наших многочисленных беседах на различные темы, мы неизменно приходили к понятиям базовых ценностей тогда и сейчас, на различия в чувствах и поведении людей в схожих обстоятельствах. Затрагивали мы и присущее нам, так называемое «самокопание» в целях достижения гармонии с самим собой и с окружающим тебя реальным миром людей, который формируется из близких родственников, друзей, сокурсников и сослуживцев, руководителей и работодателей, представителей всякого рода властей, просто попутчиков по путешествиям и случайных знакомых. То есть людей, которые и олицетворяют твоё общественное окружение и являются как бы проявлением того самого общественного сознания, которое в мое время играло очень большую роль в формировании целеуказателей по жизни.

Большую и лучшую часть своей сознательной жизни я отдал работе в советской контрразведке, пройдя в ней путь от младшего оперуполномоченного до начальника Научно-исследовательского института КГБ СССР. На этом пути, мне повезло на встречи с очень интересными людьми, имена которых долгое время оставались под завесой государственной тайны, сыгравшими огромную роль в формировании той ипостаси СССР, которая в глазах всего мира вызывала уважение, а иногда и трепет. В их числе были Главные конструкторы, академики, Нобелевские лауреаты, директора производственных объединений, награжденные всеми мыслимыми наградами Родины и к моему, да и не только моему, сожалению практически забытые собственным народом. А ведь многие из них не только внесли огромный вклад в бывшее могущество государства, но и явили собой пример несгибаемой воли, целеустремлённости в реализации своей мечты, терпения и христианского прощения за душевные, а иногда и телесные муки, испытанные в сталинских концлагерях и шарашках. Уйдет со сцены мое поколение, непосредственно работавшее с этими выдающимися первопроходцами атомных и космических проектов, и могут быть потеряны навсегда ощущения величия того времени, определяемое сознанием рябого советского труженика, гордого только тем, что ему привелось жить и работать рядом с ними. Почему собственно я считаю возможным взяться за «перо»? Только потому, что, во-первых, всё меньше остается очевидцев в связи, как говорится, с естественной убылью. Во-вторых, и это главное, практически все имевшие, более или менее серьезное отношение к атомным и космическим проектам участники и очевидцы работали в условиях строжайшей секретности, и этот комплекс секретности у абсолютного большинства из них с большой вероятностью уйдет вместе с ними. У меня этого комплекса нет, несмотря на то, что главным моим занятием в контрразведке и была защита важнейших государственных секретов..

Прежде чем перейти к описаниям тех событий, очевидцем, а иногда и участником которых я был, наверное, было бы уместным рассказать, кто я и каким образом оказался в контрразведке.

Родился я за несколько дней до начала войны с Германией 1941-1945 годов. Специально не интерпретирую эту войну как Великую отечественную или Вторую мировую, поскольку не уверен, что именно один из этих терминов войдет в мировую историю навечно. Слишком много разных спекуляций сегодня на тему этой огромной трагедии европейских народов, включая и народ русский. До сих пор, к своему стыду, я не знаю, что такое русский народ. Ранее в это понятие я непременно включал и украинцев и белорусов, а сейчас мы чуть ли не на грани войны с Украиной. По крайней мере украинские спец и военные управляли зенитно-ракетными комплексами на стороне Грузии в военной операции против России. ... В момент рождения отец, незадолго до того окончивший военно-политическую академию им. Ленина, был на сборах в военном лагере и сразу отправился на фронт. Мать, имея на руках мою сестру, трёх лет от роду, и меня, новорожденного, уехала к своей сестре под Рязань, где мы все вместе и провели три первые годы войны. Нет нужды описывать трудности тех лет, замечу лишь, что картофельные очистки, кои лежали в основе моего материнского молока не заложили во мне богатырского здоровья и исполинского телосложения. С сорок третьего года мать стала получать часть командирского пайка и жить стало веселей. В конце сорок четвертого года отец был откомандирован в Москву и дальнейшую службу проходил в должности преподавателя какой-то армейской разведшколы. Насколько я слышал уже позже, речь шла о подготовке агентуры для засылки в Японию, видимо в верхах уже всерьёз прорабатывался сценарий войны с ней. Я хорошо помню салют в честь Победы 9 мая 1945 года, которым любовался, пребывая на руках отца у окна коридора дома где-то на улице «Зацепа». Семья снимала угол, в буквальном смысле этого слова, в комнате коммунальной квартиры подруги матери, с которой они вместе работали, и она периодически там тоже ночевала за ширмой из простыни. Сейчас в это трудно поверить, но мне постелью служил мраморный подоконник, а любимым моим занятием зимой было отопгревание дырки с помощью пяточка в заледеневшем стекле окна и наблюдением за жизнью улицы. С четырёх лет я стал посетителем детского сада при академии им. М.В. Фрунзе, куда отец поступил в адъюнктуру на кафедру истории военного искусства. А посетителем я был потому, что пребывание в детском саду в течении двух, максимум трёх, дней заканчивалось простудой и недельной отсидкой дома. Летом 1948 года мы с сестрой и матерью переехали жить к её сестре в Белоруссию, в маленький городок Ошмяны, на границе с Литвой. Муж сестры матери, о нём хочется отдельно написать несколько строк, в сорок втором или в сорок третьем, не помню точно, был отозван с фронта, вызван в ЦК КПСС и направлен в распоряжение командования сформировавшейся армии Костюшко. Он в совершенстве владел польским языком, был по образованию преподавателем истории и, естественно, членом партии. В польской армии он имел чин полковника, много наград и я помню его в сорок пятом в форме офицера польской армии и особенно запомнилась его фуражка, она была похожа на гусарский кивер. В Ошмянах его назначили руководителем то ли областного, то ли городского отдела народного образования, тогда эта должность, видимо, была номенклатурной и сопровождалась неким соцпакетом, как сейчас это называется. В этот пакет входил отдельный одноэтажный дом с тремя или четырьмя комнатами, небольшая территория, на которой находился сарай для свиньи, курятник и гумно. Гумно – это большой сарай для лошади и сена. Лошадь тоже прилагалась вместе с летней бричкой и зимним возком. Незабываемым осталось новогоднее катание детей по лесу на этом возке. Дядя Миша, как звали хозяина всего этого добра, был за кучера, а мы с сестрой и двоюродные, тоже брат с сестрой – седоками. На дуге висели маленькие колокольчики, издававшие, как мне тогда казалось, церковный перезвон. Осенью мы не вернулись в Москву, негде было жить, отец жил в общежитии академии, и мы остались на зиму у дяди Миши, который очень трогательно относился ко мне и называл меня чижилом. В первый класс я пошёл в белорусскую школу, где, надо отметить, преподавание велось на русском, а белорусский язык преподавали факультативно. Зимой я тяжело болел желтухой, помню, делали даже пункцию позвоночника, было очень больно, и все время я должен был

сосать рафинад, это кусковой, очень крепкий кристаллический сахар. Местный врач, которого дядя Миша привлек для лечения, говорил матери, что я не жилец, организм был очень слабым вследствие голодных военных лет. Но любовь матери оказалась сильнее пророчеств врача и я живу, не жалуясь на здоровье. Написав это, я сплюнул через левое плечо. В конце учебного года меня и ещё несколько ребят, все мы были отличниками, приняли в пионеры. Я очень гордился своим галстуком, носил его всегда, разве что не ложился с ним спать. И то потому, что боялся его сильно помять. Сейчас я считаю, что это был первый сеанс зомбирования на идеологической основе. Во второй класс я пошел уже в московскую школу, так как отец после адъюнктуры был оставлен преподавателем в академии им М.В. Фрунзе и ему была выделена двухкомнатная квартира в доме, принадлежавшем академии и заселенному в основном её преподавателями. Этому предшествовал поход моей матери к начальнику академии генерал-полковнику Цветаеву В.Д., которому она в слезах рассказала о нашей чехомоданной жизни с начала войны и безвыходном положении, поскольку дети школьного возраста и каждый год менять школы и не иметь угла для занятий стало невыносимо. Этот дом фактически был офицерским общежитием, он имел коридорную систему, где на примерно двадцать квартир была одна общая кухня и общая душевая, которой можно было пользоваться семьей один раз в неделю. В этом доме я прожил до окончания десятого класса. Из школьных лет интересны воспоминания о двух историях, оказавшие влияние на формирование моих ценностей. Первая – это исключение из пионеров. Как я уже писал, в пионеры я был принят в первом классе белорусской школы. Когда я пришёл первого сентября сорок девятого года во второй класс московской школы, естественно в отутуженном галстуке, классная учительница сказала, чтобы я его снял, потому что в Москве принимали в пионеры только в третьем классе. Я же, подавляя слёзы, пытался объяснить, что меня уже приняли в пионеры на торжественной линейке в белорусской школе и я дал клятву, никогда галстук не снимать и не снял его. На следующий день в школу были вызваны родители, не помню кто приходил, и было высказано категоричное требование – с ребёнка галстук должен быть снят. Естественно, дома была разъяснительная беседа, галстук был спрятан в комод, но в душе осталась обида и на школу и на родителей, которые, как мне казалось, не смогли защитить мою честь.

В детской психике заложились первое сомнение в справедливости окружавшего меня мира, и я ещё не мог понять всей условности жития и той пропасти между декларируемой правдой жизни и лицемерной и порой лживой её сущностью. Но остался вывод, как бы внутренний, для себя, правда не всегда побеждает. Вторая история связана с физическим оздоровлением, как я этот процесс обозначил для себя. Дело было так. До пятого класса я учился в школе для мальчиков. Естественно девочки учились в школах для девочек. Это был 1953 год. Он запомнился по двум событиям. В этот год умер Сталин, с именем которого ассоциировалось «наше счастливое детство», проблем с концлагерями я не ощущал. Единственное помню, что взрослые, когда собирались по случаю каких-либо праздников или дней рождения, о чём-то шептались, удаляя детей в другую комнату. Второе событие было связано с объединением школ и созданием «смешанного обучения». Таким образом, прежде чем пойти в шестой класс, мне пришлось сменить школу и оказаться в, так называемой, «девчачьей» школе. Никто не спрашивал пожеланий учеников или их родителей, всё решалось где-то наверху в районных отделах народного образования. Я оказался в 34 школе на Плющихе, знаменитой тем, что в начале войны в ней был штаб по формированию добровольческой дивизии москвичей, которые почти все погибли, обороняя Москву от фашистских полчищ практически без оружия и без элементарной бойцовой подготовки. Это было пушечное мясо, но оно позволяло выиграть время, пока кадрированные дивизии из Сибири не подошли к столице. Итак, первого сентября мы с другом, его звали Равиль, оказались в классе, половина учеников которого – девчонки. Единственное, что было демократичным, нам самим предложили выбрать себе соседа или соседку. Конечно, все разбились на пары в старом варианте, мальчики сели с мальчиками, а девочки с

девочками. Через два три дня мы определились со своими симпатиями. Нам с другом понравилась одна девочка, как оказалась круглая отличница, и мы написали ей записку с предложением дружить с нами. Отличница проигнорировала наше предложение, и мы стали искать другой объект для дружбы. В тот год поиск успехом не увенчался... С большим страхом я ожидал первого урока физкультуры. Как я и предполагал, я оказался физически слабее даже многих девчонок. Не мог ни разу подтянуться на турнике, сделать кувырок через голову и перепрыгнуть через коня. Сразу скажу, что уже в зрелом возрасте, будучи начальником НИИ КГБ СССР, я получил грамоту за 3-е место по подтягиванию среди молодых офицеров, подтянувшись 26 раз. Но тогда это была моя первая трагедия, во многом предопределившая мою жизнь. После истории с галстуком, я не стремился к откровениям с родителями. Пытался на своём детском уровне разобраться со своими проблемами. Тем более, мне было непонятно, почему родители, сознававшие мою физическую неполноценность, не принимали никаких мер к исправлению ситуации. Может быть, были не известные мне заключения врачей о нецелесообразности физических нагрузок для меня, либо просто элементарные бытовые проблемы не позволяли больше времени уделять моему физическому состоянию. И я стоял перед дилеммой. Смириться с тем, что есть, «забиться в угол» и из него наблюдать с завистью, как более сильные, а значит, и более достойные наслаждаются жизнью. Или попытаться стать сильным, что в глубине души признавалось как нечто нереальное. Но я принял второй вариант. Попросил родителей купить мне двухкилограммовые гантели и стал ими заниматься. С трудом я преодолевал лень и апатию. В школе я по-прежнему был одним из самых слабых. Прошло полтора года. Помогла мне та самая отличница, которая отвергла наше предложение о дружбе, даже не отвергла, а просто не заметила. Как-то на перемене она сама подошла ко мне и сказала, что если моё предложение дружить остаётся в силе, то она согласна. Но дружить не коллективом, как мы предлагали, а именно со мной. Я опускаю те эмоции, которые захлестнули меня, но вернувшись после уроков домой, я занимался гантелями более трёх часов. И так было каждый день, без перерыва. То ли мой крик души был услышан Творцом, надо сказать, что в то время я был вопиющим атеистом, то ли что-то изменилось в системе взаимодействия сознания с физиологией тела, но я быстро стал набирать мышечную массу и силу. Вскоре гантели весили пять килограммов, затем восемь, а в десятом классе я уже жонглировал шестнадцатикилограммовыми гириями. Больше всех в классе я подтягивался на турнике и отжимался от пола. В призывной медицинской комиссии военкомата, которую раньше проходили все юноши, заканчивающие школу, я был определен в военно-морскую авиацию. При небольшом росте, что, видимо, было важно с учетом размера кабины самолёта, я обладал достаточной физической силой, выносливостью и быстротой реакции. С тех пор, выход из стрессовых ситуаций через спортивные перегрузки, именно перегрузки, чтобы не оставлять в голове негативных переживаний, стало моим жизненным правилом. Им я пользуюсь до сих пор, что вызывает недоумение у моих близких родственников, которые не понимают, зачем я себя насилюю и рискую здоровьем.

В военно-морской авиации мне служить не пришлось, так как по окончании школы я сразу поступил в Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе. В то время, в 1958 году, это был один из самых престижных вузов страны. Престижней, бесспорно считался ФИЗТЕХ, Физфак и Мехмат МГУ, и, пожалуй, ещё МИФИ. Достаточно сказать, что конкурс на факультет «Двигателей летательных аппаратов», куда я поступил, был 23 абитуриента на место. В группе половину студентов были медалистами, ещё одна треть примерно, как позже выяснилось, были детьми Главных и Генеральных конструкторов ракетно-космических КБ, НИИ и Заводов, а их родители, как оказалось в дальнейшем, преподавали у нас различные спецдисциплины и возглавляли экзаменационные комиссии. Спецдисциплинами в то время назывались секретные лекции по основам проектирования космических летательных аппаратов.

Первые дни студенческой жизни принесли и первую любовь. Позднее, когда неожиданно для себя начал писать короткие рассказы, я написал об этом первом чувстве в рассказе

«Любовь без голубей». Как бы в противовес фильму «Любовь и голуби» со счастливым концом. Для того чтобы было понятней, как формировалось моё сознание и некоторые главные ценности по жизни, читатель может познакомиться с этим рассказом. Он опубликован в издательстве ЛитРес.

Студенческие годы оставили неизгладимый след в моей памяти как годы бурного роста самосознания, приобщения к серьёзной западной классике, годы ожесточённых дискуссий о смысле жизни, об искусстве и его роли в воспитании чувств и эстетических идеалов. Это были знаменитые 60-е годы, наполненные свободомыслием, ощущением праздника интеллекта и радостью перемен после сталинских репрессий. Правда, скоро свобода мыслей стала дозированной.

Я помню выставку художников в московском Манеже в 1962 году. Она была посвящена 30-летию МОСХ. Мы с друзьями долго стояли в очереди за билетами, выставка была в центре внимания московской интеллигенции и студенчества. Все ждали новых работ в период, так называемой, хрущёвской оттепели. Впечатление от выставки было необычное, противоречивое, но главное, что бросилось мне в глаза, что соцреализму в чистом его виде, как на картинах Лактионова приходит конец, ну если не конец, то появляется альтернативное искусство с большим проникновением в психологию и драматизм реальности. Я не считаю себя вправе давать оценки работам художников, но могу говорить о своём собственном восприятии. В моём восприятии той выставки главным был вывод, что лакировке действительности пришёл конец. Запомнились три художника, которые потом оказались в центре внимания Никиты Хрущёва и его свиты, посетивших выставку. Но вначале был разговор с отцом. Я рассказывал ему о своих впечатлениях и особенно понравившихся работах Андрея Васнецова, внука известного всем художника, репродукция которого «Три Богатыря» висела в квартире, Павла Никонова и скульптора Эрнста Неизвестного. Отец, выслушав меня, сказал буквально следующее: не спешите с выводами, дождитесь официальных оценок в прессе, тем более, что выставку намерен посетить Н.С. Хрущев, Генеральный секретарь ЦК КПСС, М.С. Сулов – главный идеолог партии, министр культуры и другие ответственные партийные работники. Буквально на следующий день газета «Правда» вышла с передовицей, в которой хлётко, в уничижительном тоне был учинён разгром выставки.

Я нашёл некоторые реплики Хрущёва при его знакомстве с представленными работами художников: «Вы что, рисовать не умеете? Мой внук и то лучше рисует!Вы что – мужики или пидорасы проклятые, как вы можете так писать? Есть у вас совесть?.....Запретить! Всё запретить! Прекратить это безобразие! Я приказываю! Я говорю!.....И проследить за всем! И на радио, и на телевидении, и в печати поклонников этого выкорчевать!» (грамматика соблюдена подлинная). Вот как описывает этот визит на выставку один из очевидцев, журналист: «Дойдя до работ «Новой реальности», Хрущев, помолчав, громко произносит: «Говно!» Из других отзывов первого лица страны очевидцам запомнилось повторяемое слово «педерасы» – Хрущев решил, что на одной из картин «нарисована жопа». Те же оценки в газетном изложении: «патологические выверты» и «жалкое подражание растленному формалистическому искусству буржуазного Запада». Студийцы пытаются возражать, но Хрущев, рассвирепев, грозит в 24 часа выдворить «абстракционистов» за пределы СССР. Соратники уговаривают вождя арестовать художников».

И вот с этой газетой в руке отец доказывает мне, что я не имею политического чутья, что мне нравятся проходимцы от искусства и что лучше бы вместо таких выставок, я изучал труды классиков марксизма о роли и месте искусства в социалистическом строительстве. После этой стычки с отцом, его авторитет как воспитателя перестал для меня существовать. Но главное, это был смертельный удар по моей вере в идеологическую чистоту коммунистической идеи. А ведь ещё год назад я три месяца, бесплатно, по 12-14 часов трудился на целине и гордился полученной грамотой ЦК ВЛКСМ. Кстати, все трое упомянутых мною художников, под этот

термин я отношу и скульпторов, впоследствии стали народными художниками СССР, лауреатами различных международных премий и званий, одним словом, были отнесены к художественной элите страны. Парадоксально, но именно Эрнсту Неизвестному, уже скульптору с мировым именем был заказан памятник на могилу Никите Хрущёву, который до сих пор привлекает к себе внимание посетителей Новодевичьего монастыря, где и похоронен бывший генсек и «учитель художников».

Уже гораздо позже я натолкнулся на высказывание об искусстве Л.Д. Троцкого, которое хочу привести для сравнения с вышеописанными суждениями Н.С. Хрущёва. Цель этого сравнения в том, чтобы представить себе, как всё же велика роль личности в истории государства, и, к сожалению, она не всегда имеет положительный тренд.: "Нельзя, – писал он без физического отвращения, смешанного с ужасом, читать стихи и повести или глядеть на снимки советских картин и скульптур, в которых чиновники, вооруженные пером, под надзором чиновников, вооруженных маузерами, прославляют "великих" и "гениальных" вождей, лишенных на самом деле искры гениальности или величия..." "...подлинная революционная партия не может и не хочет ставить себе задачей "руководить", тем менее – командовать искусством ни до, ни после завоевания власти.

Подобная претензия могла прийти в голову только взбесившейся от самовластия невежественной и наглой бюрократии, которая превратилась в антитезис пролетарской революции... "Искусство и наука, писал Троцкий, не только не ищут командования, но по самому существу своему не выносят его. Художественное творчество имеет свои законы – даже и тогда, когда сознательно служит общественному движению. Искусство может стать великим союзником революции лишь постольку, поскольку оно останется верным самому себе».

Для меня эта выставка и вся идеологическая суэта вокруг неё послужила симптомом неполноценности нашей идеологии, когда почему-то власть в художественных произведениях усматривает серьёзную угрозу государству, вышедшему победителем в войне против фашизма. Одновременно я задумался над методикой преподавания философии, диалектического и исторического материализма. Возник вопрос. Если мы считаем марксизм вершиной философской мысли, то почему мы нарушаем обычную последовательность в изучении любой предметной области, где всегда идем от простого к сложному, от простейших понятий к последним достижениям. А здесь какие-то алогичные действия, начинаем изучение с вершины. Что-то здесь не так. Видимо есть попытка скрыть какие-то течения, которые могут поставить под сомнение правоту идей марксизма-ленинизма.

С этим вопросом к отцу я уже не пошёл. Пospорили в своём кругу, но особого интереса у друзей это не вызвало. Обратившись к краткому курсу истории философии, который также был написан с позиции «марксовской» философии, я пришёл к выводу, что следует почитать самому первоисточники, если представится возможность их достать. Это сейчас без проблем можно купить, либо взять в библиотеке Платона, Демокрита, Дидро, Руссо, Вольтера, Гегеля, Канта, Юма и прочих шопенгауэров, но, в то время единственным источником ознакомления с трудами вышеназванных философов была Ленинка с её залом для студентов. Надо отдать должное советской власти, все же заботившейся об образовании молодёжи, которая в доме Пашкова, являвшемся составной частью Ленинки, был специальный зал для школьников, а в самой библиотеке был зал для студентов. Причем можно было пользоваться практически всем, находившимся в открытом доступе, библиотечным фондом. Сейчас, насколько я знаю, доступ в библиотеку разрешён лицам, имеющим научную степень не ниже кандидата наук. Так что студентам путь туда заказан. Решив, что обязательно разберусь с загадкой курса марксистко-ленинской философией, я отложил это занятие на потом.

Позже я действительно многое понял в истории философии и даже сдал кандидатский минимум по этому предмету, хотя для этого глубоких знаний и не требовалось. Важно, что я понял, что у истоков диалектического метода стоял отнюдь не Маркс, а титан Гегель, который

и сформулировал основные законы познания и развития материи и общества. Для себя из описанного периода времени, в котором происходили события, связанные с выставкой и реакцией партаппарата на неё, извлек простое правило бессмысленности противостояния власти и приобрел вторую ипостась в себе, так называемое общественное лицо, с которым не расставался до того момента, пока трудился на государственной службе.

Позднее, когда у меня появилась семья и родилась дочь, образовалось и третье лицо, оно занималось воспитанием дочери и готовило её к встрече с реальным миром. Дочери трудно было объяснить, почему одного ребёнка в школу провожает мама, на бегу запихивая в рот бутерброды, а затем сама летит на работу, а другого ребёнка привозит шофёр на чёрной волге и так же забирает его из школы. В это время первый сидит на продлёнке и ждёт, когда после работы его заберёт мать. Почему один летом едет на отдых к морю, а другой в пыльной и душной Москве собирает бутылки, чтобы, отстояв длинную очередь к ларьку вторсырья, купить себе мороженое, а большую часть вырученных денег влить в семейный бюджет. Воспитание иногда приносило свои плоды. Я помню случай, когда я уже сам ездил на работу на служебной машине, шёл сильный дождь со снегом, мой маршрут проходил мимо школы, где в шестом классе училась дочь, и я предложил её подвезти, чего никогда не делал ранее. Ребёнок категорически отказался и пошёл самостоятельно, заявив, что в служебную машину не сядет. «В свою я бы села», – сказала она. Помню, её позиция сильно меня порадовала и вечером того дня как-то особенно нежно общался с ней, хотя в чрезмерно трепетном отношении к ребёнку, как говорится «замечен не был». Я придерживался концепции строгого воспитания, но ни разу не применял приёмы физического воздействия, памятуя как неприятно было это переживать самому и отдавая себе отчет в том, что на меня физическое воздействие действовало односторонне – я просто замыкался в себе и всё дальше и дальше удалялся от отца, пытавшегося таким способом сделать меня послушным его воле. Интуитивно я не держал на него зла, более того, я уважал его за трудолюбие и патологическую честность. Позднее просто понял, он единственный из своей глухой белорусской деревни «выбился в люди», дослужился до полковника, жил в Москве и преподавал в самой престижной военной академии. И все приёмы своего деревенского воспитания, которое основывалось, прежде всего, на физическом наказании за малейшую провинность, он переносил на меня, из лучших чувств желая мне добра. Он рассказывал, как в детстве не раз был битым ещё своим дедом за то, что запускал ложку в котелок со щами, прежде чем дед разрешал это делать после молитвы и снятия им самим пробы. Однажды начальник академии не заплатил партийные взносы с гонорара за статью, которую отец написал для него в какой-то журнал. А отец, бывший в то время секретарём парткома факультета, где на партучете и состоял этот военачальник, пришел к нему и потребовал взносы. Кончилось тем, что вакантная должность заведующего кафедры, на которую по всеобщему признанию отец «законно» претендовал, досталась его ученику, который и получил впоследствии генеральское звание. Мы дружили семьями, их дочь, которая была младше меня лет на десять, прочили мне в невесты. Генерал с женой сильно переживали, когда я женился, их любимица как раз заканчивала школу и, судя по всему, я ей тоже нравился. Я встречался с ней, когда она училась в МГУ им. Ломоносова, это была красивая и умная девушка, по-моему, она до сих пор преподает в университете, имеет профессорское звание и ученую степень доктора наук. Так вот, этот генерал, спустя долгое время и бывая у нас в гостях, все время извинялся за то, что ему досталась та злополучная должность. Отец, же, напротив, убеждал его в том, что он её заслужил, блестяще защитив кандидатскую диссертацию, научным консультантом по которой он сам и был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.